

* * *

Банановая юбочка,
Индийский океан...
Куда ты едешь, Любочка?
Твои мечты — обман.

Ну как из сердца вырваться,
шагнуть, как за порог,
чтоб в жизни заковыристой
вовек не знать тревог?

И все твои усилия
избавиться от пут
соблазнов избылиия,
увы, напрасный труд.

Но ты, меня не слушаая,
пакуешь чемодан.
Постой, другого случая
достичь далеких стран

не будет разве, милая?
И сможешь ли опять
свою судьбу постыльную
на счастье поменять?

Ну, что ж, дела все брошу я
и, хочешь или нет,
поеду жизнь хорошую
искать, хоть это бред.

Но бред, мечта, фантазия,
И грезы наяву —
Мои Европа, Азия
И ты, кем я живу.

* * *

Белесый туман выплывает из лога,
Сквозь тучи сочится лучистая мякоть.
Мне видится здесь присутствие Бога,
И в грустном восторге мне хочется плакать.

Мне хочется в рощах, наполненных светом,
Бродить, не ругаясь ни с кем и не споря,
Что мир этот создан великим Поэтом,
И нет в нем ни капельки мрака и горя.

Лишь с этих высот — мира светлых окраин,
Где суть постигается жизни и тлена,
Я к вам возвращусь, примирен и раскаян,
Молясь о прощении ношно и денно.

И если меня вы услышите прежде,
Чем я отвлекусь на иные молитвы,
Поймете, что жил я все время в надежде
На то, что окончатся вечные битвы

Меж небом и адом, меж правдой и ложью,
Что некогда нас в этой жизни венчали,
И каждому будет по милости Божьей
Отпущено в меру любви и печали.

* * *

Если это любовь — эти редкие встречи,
нежелание знать, где сейчас ты и с кем
смотришь в небо, ведешь бесконечные речи
о любви и о вечности,— значит, я нем.

Если это любовь — ждать упорно, кто первый
позвонит и поделится мыслями вслух,
как гудят, исходя напряжением, нервы
от безжалостной ревности,— значит, я глух.

Если это любовь — затаиться в ухмылке
и смотреть, как влюбленный в обиде нелеп,
как смешон его взгляд, и смущенный и пылкий,
видеть страх и надежду в нем,— значит, я слеп.

Неужели и ты, как и все, вероломна,
и с тобою не сладят ни ангел, ни черт,
если смотришь мне в сердце из пропасти темной
и ни искры в глазах твоих? — Значит, я мертв.

И. Е.

Явилась ты — и сгинул смерти страх,
я понял: песня жизни не допета...
Ты хрупкая, как тишина в горах,
Ты тонкая, как первый луч рассвета.

Как ветерок, легка твоя рука,
Не чувствуя ее в своей — недужу.
Как ручеек, текущий с ледника,
Питаешь ты иссушенную душу.

Я нежные тебе шепчу слова
Любви, надежды, веры и участия,
В тебе я вижу образ божества
И плачу от невысказанной страсти.

И все свои оставшиеся дни
Самозабвенно я молиться буду:
«Господь, мою любимую храни,
Позволь в ее судьбе случиться чуду!»

И верую, как некий прозелит,
Почувявший к всевластью принадлежность:
Твоя любовь мою любовь простит
За эту неожиданную нежность.

